Поповна и монахи

Дóсюль (*в задние годы*) монах просил у поповны угощаться.

Она говорит:

— Если сто рублей денег и штоф вина, и приходи вечером.

— Есть, — тот отвечае.

Ну, он и пришел повечеру, в потёмках, заколотился сначала. Она вышла, отвечае:

— Кто там есть за воротыма?

— Монах.

— Пришел?

— Пришел.

— Принёс ли сто рублей да штоф вина?

— Принёс.

Ну, она его пустила. Пришел он в избу, поповна деньги спрятала, ну, самоварчик кипит, греется нáлитый. Ну, он говорит поповны:

— Поскорея, — говорит, — пойдём на дело там.

А она говорит:

— Пущай самоварчик скипит, чайку попьём да и угощаться пойдём.

Ну, вдруг заколотилось за тимá же ворóтма.

— Куды меня положишь? — говорит.

— А ступай в печку.

Он в печку и убрался. Сейчас приходит опять, стучит.

— Кто там есть?

А он отвечае:

— Монах, — говорит, — есть (*это уж второй*).

— Принёс ли сто рублей денег да штоф вина?

— Принёс.

Она и пустила опять. Опять же тым попы́том.

Самовар кипит опять, он просит угощаться, а она говорит:

— Дай сначала скипит, чайку попьём да угощаться пойдём.

Вдруг за воро́тма опять застучалось.

— Куды, — говорит, — я?

— Полезай в печку, — говорит.

И другого в печку. Ну, пришла за ворота, отпирать пришла.

— Кто там есть?

Тот отвечае:

— Монах.

— Ну, принес ли сто рублей денег?

— Принес.

— Штоф вина принёс?

— Ну, принёс.

— Полезай.

Ну, и пришел, знаешь, таким же манерчиком. Самовар опять кипит, он просит, что пойдём угощаться. А она говорит:

— Чайку попьём да угощаться пойдём.

Ну, вдруг идёт муж пьяный, по улицы стучит, гремит.

— Куды, — говорит, — я?

— Ступай в печку.

Ну, мужик и пришел в избу (*она за христианином, не за попом*).

— Ну-ка, мужичок, возьми-ка куличок, в печке три монаха есть, да кочкони́ их.

Мужик взял да убил всех, кочкону́л всех троих. Взяли двух, выволокли на сарай, третьего в избе оставили. Пошла эта поповна звать кума в деревню, убрать его надо. Пришла поповна к куму.

— Кумушко, красно солнышко, муж пришел пьяный, монаха убил.

— Кума! Есть ли штоф вина?

— Есть, кумушка, дам, — говорит.

Ну, он пришел, взял за плечи своротил, понёс. Ну, идёт мимо агвахту (*часовой стоит*).

— Кто идет?

Он отвечае:

— Черт идёт.

— Кого несёшь?

— Монаха.

— Ну, ступай, черт с тобой, неси.

Нёс, да в Фонталку (в Нёву, просто сказать) и бросил. Ну, оны спрятали другого, взяли его в избу, кровь у него смыли. Ну, она опять тым же попытом к куму пошла.

— Кумушко, красно солнышко, ведь пришел, — говорит, — монах.

— Как же он? Я, — говорит, — бросил в Фонталку его (в Нёву, говорит, в Нёву).

— Есть штоф вина?

— Есть, — говорит, — кумушко, красное солнышко.

Опять пришел, за плечи своротил, опять понёс. Опять идёт мимо агвахту, часовой у него спросил:

— Кто идёт?

— Черт.

— Кого несёшь?

— Монаха.

— Что за дело: опять, — говорит, — монаха.

Опять в Нёву бросил его да и <хуй>. Ну, и взяли третьего в избу опять таким манером же. Ну, кума опять к куму.

— Кумушко, красно солнышко, ведь пришел монах.

— Как же он выстал? Ведь я его бросил в Нёву. Ну, кума, есть ли штоф вина?

— Есть, кумушко, красно солнышко, только неси.

Ну, опять таким же манером за плечи своротили, и опять понёс. Ну, идёт мимо агвахту.

— Кто идет?

— Черт.

— Кого несёшь?

— Монаха.

— Что за леший, — говорит, — монахов всех
выносил черт!

Ну, этот часовой дал по городу знать, что черт выносил трёх монахов и бросил в реку. Розыски по городу пошли, что трёх монахов и нету. Тым и кончилось.

(Зап. в 1903 г. от Ф. А. Пормакова (Бирина), 62 г., в д. Кондопоге Петрозаводского уезда Олонецкой губ.)

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.